

РАЗДЕЛ 6. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 81'42:34
DOI 10.26170/pl19-01-14
ББК Ш105.51+Х0

ГСНТИ 16.01.11; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Э. В. Будаев

Российский государственный профессионально-педагогический университет; Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2137-1364

 E-mail: aedw@mail.ru.

Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается становление юридической лингвистики как междисциплинарной области научных исследований в зарубежных странах. Рассматриваются различные подходы к определению предмета данной области исследований (объектом изучения юридической лингвистики может быть любой текст, рассматриваемый в правовом контексте; представление юридической лингвистики как раздела прикладной лингвистики, в котором лингвистические теории и методологические подходы применяются для решения юридических проблем; синтез социолингвистики, прагматики и дискурсивного анализа, позволяющий установить, кто говорит, кому, где, когда и с какой целью). Определяются хронологические рамки становления дисциплины: первые работы соответствующей тематики относятся к началу 1960-х гг., словосочетание «Forensic Linguistics» впервые было использовано в 1968 г. Зарубежная юридическая лингвистика первоначально формировалась как судебная лингвистика, поэтому термин *forensic linguistics* обычно переводится на русский язык в зависимости от контекста как «лингвистическая экспертиза» или как «судебная лингвистика». Рассматриваются значимые уголовные дела и судебные разбирательства, которые продемонстрировали необходимость возникновения юридической лингвистики как самостоятельной области теоретических изысканий и прикладных исследований, показали важность разработки и совершенствования юрислингвистической методологии: судебная ошибка 1949 г., приведшая к казни Т. Эванса, актуализировавшая проблему определения достоверности судебных показаний; судебные разбирательства по поводу торговых марок, например иск владельца мультинациональной сети быстрого питания «McDonalds» к компании «Quality Inns International», анонсировавшей открытие сети гостиниц экономкласса под названием «McSleer». Особое внимание уделяется специфике формирования юридической лингвистики в США, Великобритании, Австралии, Германии и Австрии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридическая лингвистика; лингвистическая экспертиза; юридический дискурс; междисциплинарные лингвистические направления; история лингвистики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11; e-mail: aedw@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Будаев, Э. В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 122—126.

Юридическая лингвистика — направление научных исследований, возникшее на пересечении лингвистики и юриспруденции в США и Великобритании в 60-х гг. XX в. Известный специалист Джон Олссон, определяя данное научное направление, отмечает, что объектом изучения юридической лингвистики может быть любой текст, рассматриваемый в правовом контексте (завещание, письмо, книга, эссе, контракт, врачебный диагноз, диссертация и т. д.) [Olsson 2008: 1]. Таким образом, в фокус юрислингвистики попадают как тексты, актуализированные в собственно юридическом дискурсе, так и тексты, порождаемые вне юридического дискурса, но впоследствии используемые в юридическом контексте (например, в судебном разбирательстве). Это понимание юридической лингвистики следует из опре-

деления предмета данного научного направления.

Другой способ определить юридическую лингвистику — описать ее как раздел прикладной лингвистики, в котором лингвистические теории и методологические подходы (когнитивная лингвистика, теория речевых актов, дискурс-анализ, фонетический анализ, конверсационный анализ и т. д.) применяются для решения юридических проблем. По мнению М. Коултарда, юридическая лингвистика представляет собой методологическую триаду социолингвистики, прагматики и дискурсивного анализа. Этот синтез позволяет дать ответы на вопросы: кто говорит, кому, где, когда и с какой целью. К этому автор добавляет корпусную лингвистику, критический анализ дискурса [Coulthard et al. 2007: 2009].

Всякое научное направление формируется в течение определенного периода времени, и однозначно определить момент его возникновения едва ли возможно. Однако известно, когда возник сам термин. Слово сочетание *Forensic Linguistics* было впервые использовано профессором Яном Свартвиком в 1968 г. в книге «The Evans statements: A case for forensic linguistics» [Svartvik 1968] в контексте лингвистического анализа показаний Тимоти Эванса. В 1949 г. семья Тимоти Эванса (беременная жена и маленькая дочь) была убита в своей квартире. Т. Эванс был арестован и приговорен к смертной казни. Через несколько лет после казни было доказано, что казненный не только не совершал этих убийств, но и верно называл имя убийцы в ходе судебного заседания. Этот случай — одна из самых известных судебных ошибок в истории, которая была тесно связана с проблемой определения достоверности судебных показаний.

Исследования в области лингвистического анализа юридической речи проводились и до появления термина *Forensic Linguistics*. Среди ранних работ в данной области можно отметить монографию Дэвида Мельникоффа «The Language of the Law» [Mellinkoff 1963], в которой американский исследователь, имевший большой опыт участия в судебных заседаниях, предложил новый взгляд на язык права, призывая совмещать пресловутую «точность» юридического языка со здравым смыслом и нормами естественной речи. Эта работа носила общелингвистический характер. Если же применять к рассматриваемому научному направлению структуру внутренней лингвистики, то следует отметить, что отдельные направления юридической лингвистики, например судебная фонетика и атрибуция текстов, развивались независимо друг друга и только потом были объединены под зонтичным термином *forensic linguistics*.

Зарубежная юридическая лингвистика первоначально формировалась как судебная лингвистика, поэтому термин *forensic linguistics* обычно переводится на русский язык в зависимости от контекста как «лингвистическая экспертиза» или как «судебная лингвистика». Если же имеется в виду более широкий контекст, то в русском языке используются словосочетания «юридическая лингвистика» или «правовая лингвистика», которые ближе английскому понятию *legal linguistics* или словосочетанию *language and law*, охватывающему широкий круг проблем взаимодействия языка и права.

Центрами становления юридической лингвистики были страны англосаксонского

права (в первую очередь, США и Великобритания).

Импульсом для развития юридической лингвистики в Великобритании стали проблемы, возникающие в ходе допроса свидетелей. В Соединенном Королевстве долгое время использовались так называемые *Judges' Rules* — правила допроса свидетелей и получения показаний. Согласно этим правилам, подозреваемые диктовали показания полицейским, которые должны были их записывать, не перебивая. Допускались только уточняющие вопросы. На практике эти правила никогда не соблюдались. Полицейские задавали вопросы и записывали показания не совсем так, как говорили допрашиваемые, а в так называемом «полицейском регистре» (*police register*). Авторы этих правил, видимо, не осознавали, что записывать устные показания без обработки — непростая задача. У полицейских выработались свои правила записи и корректировки показаний, которые использовались в том числе для злоупотреблений. В связи с этим постоянно возникали вопросы об аутентичности показаний, что, в конечном счете, привело к привлечению профессиональных лингвистов к разрешению правовых проблем.

В США юридическая лингвистика формировалась немного иначе, хотя стимулом тоже послужили проблемы, связанные с процессом допроса. В 1963 г. некий Э. Миранда был осужден за совершение вооруженного ограбления. Впоследствии обвиняемый заявил, что не понял, что у него было право хранить молчание и право на адвоката во время допроса. В 1966 г. Апелляционный суд пересмотрел его дело и отменил обвинительный приговор. После этого полицейских обязали сообщать задержанным о праве хранить молчание, праве на адвоката и о том, что все сказанное может быть впоследствии использовано против подозреваемых.

Однако применение данного правила породило новые вопросы. Как отмечает профессор Роджер Шуи [Shuy 1997], которого считают одним из основателей юридической лингвистики в США, новые правила подразумевали, что признание должно быть добровольным, допрос не должен быть принудительным, а задержанных необходимо спрашивать, понимают ли они свои права. Вместе с тем видеозаписи допросов свидетельствовали о том, что зачитывание прав не всегда приводит к пониманию этих прав задержанными. Работы Р. Шуи и других американских исследователей о «проблеме Миранды» послужили отправной точкой для тесного переплетения юриспруденции и лингвистики в США.

В дальнейшем проблемное поле юридической лингвистики расширилось до современного его понимания, но одновременно детализировались отдельные области научных изысканий. Так, Р. Шуи, опираясь на большой опыт участия в судебных заседаниях, выпустил серию монографий, каждая из которых посвящена судебным дискурсам, связанным с разбирательством конкретных видов преступлений: клеветы [Shuy 2010], лжесвидетельства [Shuy 2011], сексуальных преступлений [Shuy 2012], взяточничества [Shuy 2013], убийства [Shuy 2014].

Второй предпосылкой для пересечения двух научных направлений в США послужили судебные разбирательства по поводу торговых марок. Показательный пример — иск владельцев мультинациональной сети быстрого питания *McDonalds* к компании *Quality Inns International*, анонсировавшей открытие сети гостиниц экономкласса под названием *McSleep* [Levi 1994: 5]. В данном случае речь шла не о слове или словосочетании, а о морфологическом принципе присоединения морфемы *Mc* к общеупотребительным существительным, не защищенным авторским правом.

Лингвисты Дж. Лентин и Р. Шуи, привлеченные к судебному разбирательству в качестве экспертов, показали, что префикс *Mc* использовался в коммерческих целях и ранее и по этой причине у *McDonalds* нет исключительного права на этот принцип словообразования. Вместе с тем суд встал на сторону истца и не позволил открыть сеть мотелей под названием *McSleep*. Впоследствии Р. Шуи неоднократно привлекался к разбирательству подобных дел, подробно описанных им в монографии «Linguistic Battles in Trademark Disputes» («Лингвистические битвы в спорах о торговых марках») [Shuy 2002].

В Австралии юрислингвистика формируется в 1980-х гг. как прикладное направление социолингвистики, призванное способствовать соблюдению прав подозреваемых. Отправной точкой послужили трудности, которые возникали во время допросов аборигенов, говорящих на английском языке австралийских аборигенов (Australian Aboriginal English) [Eades 1994; Gibbons 2003]. Белые полицейские исходили из предпосылки, что допрашиваемые говорят на одном с ними языке, а это вело к неверному толкованию показаний. Дело в том, что английский язык австралийских аборигенов включает в себя несколько вариантов, сформировавшихся в различных частях континента. Каждый из этих вариантов имеет особенности в фонетике, грамматике, лексике и семантике. Со-

вокупность этих вариантов представляет собой континуум переходных форм, занимающих промежуточное положение между английским вариантом английского языка (так называемым «языком белых австралийцев» — «white English») и языком криол (Kriol), который не является вариантом английского языка. Криол — креольский язык, который ведет происхождение от пиджина, сформировавшегося в Новом Южном Уэльсе в период ранней колонизации. К собственно языковым причинам недопонимания добавлялись межкультурные и прагматические факторы. В частности, неконфронтационный характер речевого поведения аборигенов ложно трактовался полицейскими как признание вины.

Еще одним импульсом для пересечения лингвистики и юриспруденции в Австралии послужили исследования того, как аборигены, выступающие в роли свидетелей и обвиняемых, понимали судебный процесс, а также анализ межкультурных различий в осмыслении судебных феноменов аборигенами и белыми австралийцами [Walsh 1994]. В частности, было показано, что система допроса в ходе судебного заседания чужда культурным доминантам аборигенов, а их реакция на этот межкультурный конфликт трактуется не в культурологическом, а в правовом контексте [Gibbons 2003].

Значительное развитие юридическая лингвистика получила в Германии и Австрии [Drommel 2011, 2015; Fobbe 2011; Rechtskultur 1992; Texte 1990]. Если в англосаксонских странах данная научная дисциплина развивалась благодаря усилиям ученых-энтузиастов, которые иногда сотрудничали с органами правопорядка и судебными инстанциями, а иногда и выступали с экспертными заключениями, которых от них не требовали, что нередко приводило к игнорированию экспертных мнений лингвистов, то немецкие ученые изначально работали в тесном взаимодействии с органами правопорядка. Это позволило немецкой школе юридической лингвистики, возникшей позже, чем в англосаксонских странах, избежать ошибок становления, с которыми столкнулась эта область научных интересов в США и Великобритании. Именно Федеральное ведомство уголовной полиции Германии организовало первую конференцию по юридической лингвистике в 1988 г.

Первая британская конференция по юридической лингвистике состоялась в Бирмингемском университете в 1992 г., а год спустя была образована Международная ассоциация по юридической лингвистике. В 1994 г. начал выходить специализирован-

ный журнал «Forensic Linguistics», посвященный вопросам судебной лингвистики, который в 2003 г. был переименован в «International Journal of Speech, Language and the Law». Новое название отразило расширение не только географического ареала распространения данной научной дисциплины, но и ее предмета.

На рубеже тысячелетий юридическая лингвистика проникает в сферу образования. В 1999 г. в Кардиффском университете в магистерскую программу был введен курс юридической лингвистики. В 2008 г. был открыт Центр юридической лингвистики в Астонском университете [Ariani et al. 2014]. В 2000-х гг. выходят первые учебники и пособия по юридической лингвистике [Coulthard et al. 2007; Gibbons 2003; Olsson 2008; Shuy 2006].

На современном этапе развития в зарубежной юридической лингвистике формируется собственная методологическая система, включающая как эвристики национальных юрислингвистических школ, так и методологические наработки в области изучения различных уровней языка и аспектов юридического дискурса, что в комплексе создает условия для полного и многоаспектного исследования юридического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА. REFERENCES

1. Ariani M. G., Sajedi F., Sajedi M. Forensic linguistics: A brief overview of the key elements // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 158. P. 222—225.
2. Coulthard M., Johnson A., Wright D. An Introduction to Forensic Linguistics: Language in Evidence. — London : Routledge, 2007. — 253 p.
3. Drommel R. H. Sprachprofilung — Grundlagen und Fallanalysen zur Forensischen Linguistik. — Berlin : Frank & Timme Verl., 2015. 338 S.

E. V. Budaev

Russian State Vocational Pedagogical University; Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-2137-1364

 E-mail: aedw@mail.ru.

Forensic Linguistics Abroad: Establishment of the Subject

ABSTRACT. *The article deals with the development of forensic linguistics as an interdisciplinary sphere of scientific research abroad. The article dwells on various approaches to the definition of the subject of the given research area (any text regarded in the legal context can be an object of research of forensic linguistics; presentation of forensic linguistics as a branch of applied linguistics in which linguistic theories and methodological approaches are used to solve legal problems; synthesis of sociolinguistics, pragmatics, and discourse analysis making it clear who speaks, who is spoken to, when, where and with what purpose something is said). The author defines the chronological frames of the development of the discipline: the first works in the given area refer to the early 1960s; the word combination “forensic linguistics” was first used in 1968. The foreign forensic linguistics was first formed as judicial linguistics, therefore the term forensic linguistics is usually translated into Russian depending on the context as “lingvisticheskaya ekspertiza” (linguistic expertise) or as “sudebnaya lingvistika” (judicial linguistics). The article dwells on significant criminal cases and trials which demonstrated the need for forensic linguistics as an independent sphere of theoretical and applied research and showed the importance of design and development of forensic linguistic methodology: the judicial error of 1949 that led to the execution of T. Evans and brought up the problem of determination of the credibility of evidence in court; trials on trademarks, for example the claim of the owners of the multinational fast food restaurant chain “McDonalds” against the “Quality Inns International” corporation which announced opening an economy class hotel chain under the name “McSleep”. Special attention is paid to the specificity of formation of forensic linguistics in the USA, Great Britain, Australia, Germany and Austria.*

4. Drommel R. H. Sprachwissenschaftliche Kriminalistik und Sprachprofilung. Anfänge, Kontroversen, Meilensteine, Fallbeispiele. — Graz : Universität — FB Plurilingualismus, 2011. 247 S.

5. Eades D. A case of communicative clash: Aboriginal English and the legal system // *Language and the Law* / ed. by J. Gibbons. — London : Longman, 1994. P. 234—264.

6. Fobbe E. Forensische Linguistik. Eine Einführung. — Tübingen : Narr Francke Attempto, 2011. 282 S.

7. Gibbons J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System. — Oxford : Blackwell, 2003. 346 p.

8. Levi J. Language as evidence: the linguist as expert witness in North American courts // *Intern. Journ. of Speech, Language and the Law*. 1994. Vol. 1 (1). P. 1—26.

9. Mellinkoff D. The Language of the Law. — Boston : Little, Brown and Company, 1963. 526 p.

10. Olsson J. Forensic Linguistics. — Trowbridge : Cromwell Pr., 2008. 256 p.

11. Rechtskultur als Sprachkultur. Zur forensischen Funktion der Sprachanalyse / Grewendorf, Günther (Hrsg.). — Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1992. 376 S.

12. Shuy R. W. Linguistic Battles in Trademark Disputes. — New York : Palgrave Macmillan, 2002. 208 p.

13. Shuy R. W. Linguistics in the Courtroom: A Practical Guide. — New York : Oxford Univ. Pr., 2006. 160 p.

14. Shuy R. W. The Language of Bribery Cases. — New York : Oxford Univ. Pr., 2013. 288 p.

15. Shuy R. W. The Language of Defamation Cases. — New York : Oxford Univ. Pr., 2010. 264 p.

16. Shuy R. W. The Language of Murder Cases: intentionality, predisposition, and Voluntariness. — New York : Oxford Univ. Pr., 2014. 288 p.

17. Shuy R. W. The Language of Perjury Cases. — New York : Oxford Univ. Pr., 2011. 232 p.

18. Shuy R. W. The Language of Sexual Misconduct Cases. — New York : Oxford Univ. Pr., 2012. 240 p.

19. Shuy R. W. Ten Unanswered Language Questions about Miranda // *Forensic Linguistics*. 1997. Vol. 4. No. 2. P. 175—196.

20. Svartvik J. The Evans statements: A case for forensic linguistics. — Göteborg : Univ. of Göteborg, 1968. 44 p.

21. Texte und Theorie und Praxis forensischer Linguistik / Hannes Kniffka (Hrsg.). — Tübingen : Niemeyer, 1990. 540 S.

22. Walsh M. Interactional styles in the courtroom: An example from northern Australia // *Language and the Law* / ed. by J. Gibbons. — London : Longman, 1994. P. 217—233.

KEYWORDS: *forensic linguistics; linguistic expertise; forensic discourse; interdisciplinary linguistic areas; history of linguistics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Languages, Russian State Vocational Pedagogical University; Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Budaev, E. V. Forensic Linguistics Abroad: Establishment of the Subject / E. V. Budaev // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 122—126.*